

ДИСКУССИИ

© Е. Ю. КОЛБОВСКИЙ

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА

Постановка проблемы. Ландшафтоведение — вершина географической теории, своего рода «элитный» раздел российской географии, вобравший в себя достижения отраслевых «покомпонентных» географических и смежных наук — геоморфологии и гидрологии, биогеографии и почвоведения, геохимии и геофизики. Ландшафтоведение — «дитя» минувшего XX в. с его выраженным стремлением к поиску первопричин и взаимосвязей, почти эмоциональной потребностью применить системные концепции ко всему окружающему миру. В этом смысле появление науки о ландшафте, как о природном комплексе и чуть позже — природной системе было почти предсказуемым и закономерным. Ландшафтоведение прошло длинный путь становления, ознаменовавшийся содержательными научными дискуссиями, достаточно жесткой конкуренцией научных школ и к рубежу веков перешло в спокойную (как могло показаться многим) стадию развития, определявшуюся формулой: «классическая теория + новые подходы + продуктивные и востребованные практикой приложения».

Одним из таких приложений стало ландшафтное планирование, пробиравшееся в российскую действительность и через адаптацию чужого (главным образом немецкого) опыта [22, 23], и через попытки внедрения отдельных операций в территориальное градостроительное планирование [16, 21], адаптивно-ландшафтное проектирование в земледелии [14] и лесоустройство [42]. Логичным было предположить, что внедрение «ландшафтных подходов» в российское планирование и природопользование позволит сделать российские города более комфортными за счет развертывания концепции «зеленой инфраструктуры», а многострадальную провинцию — выбирающейся из депрессии посредством реализации системы экосервисных услуг, развития туризма и рекреации. Однако, оставаясь на позициях научной объективности, мы должны признать, что Россия и сегодня не намного ближе к достижению идеалов ландшафтного планирования, чем, скажем, 15—20 лет назад. Тому есть причины вполне объективного порядка, однако автор, находясь в числе тех немногих географов, кому довелось принимать реальное участие в территориальном планировании, готов утверждать, что несчастливое столкновение теории с практикой требует от нас не просто воспроизведения привычного

скепсиса по отношению к практике, но и пристального внимания к самой теории как одной из составляющих наблюдаемого «неуспеха».

Только по этой причине, а отнюдь не из желания эпатировать коллег, автор предлагает вернуться к основам классической теории ландшафта: если природный ландшафт действительно существует «без человека», то что, собственно, мы пытаемся в нем планировать?

Исторический философско-методологический фон появления ландшафтной концепции. Не претендуя на детальный анализ истории появления понятия «ландшафт» в русской и советской географии (чему посвящен целый ряд специальных работ, например [9]), попытаемся определить в какой степени содержание теории классического ландшафтоведения было задано философскими воззрениями и методологическими установками эпохи.

Традиции российской географии начала XX в., казалось бы, предполагали вполне «европейское» прочтение и употребление термина: ландшафт как проявление взаимодействия этноса с приданным ему вариантом природы — безусловный рукотворный феномен, отличаемый прежде всего по своему образу внешнего (пейзажного) облика. Именно в таком смысле воспринимали ландшафт Семенов-Тянь-Шанский [34], а впоследствии и Л. С. Берг [2]. При этом акцент на сценические свойства отнюдь не означал «легковесности» самого термина: достаточно ознакомиться с работами менее цитируемых естествоиспытателей, чтобы в этом убедиться. Возможно, одним из малоизвестных примеров может послужить исследование С. П. Смелова «Луга Заволжья Ярославской губернии» 1919 г. [36], в котором мы обнаружим весьма детальные описания «микрорландшафтов» долинно-речных лугов Мологи и Шексны с раскрытием сложных взаимосвязей между видовым составом лугов и режимом поемности-аллювиальности, а также тонкий анализ трансформации почвенно-растительного покрова поймы под влиянием многолетнего функционирования мельничных запруд.

Вероятно, с конца 1920-х гг. начала изменяться сначала идеологическая, затем и философско-методологическая ситуация в советской науке, что сделало невозможным продолжение уже, казалось бы, начавшей закрепляться плодотворной традиции восприятия ландшафта как культурного феномена. В российской философии становилось все более ощутимым влияние победившего материализма, что сказалось на развитии географии самым непосредственным образом: географическая оболочка была по сути «выдавлена» из биосферы, а из ландшафта был исключен действующий и воспринимающий «субъект». С одной стороны, географию обезопасили от целого спектра «сомнительных» теорий вроде номогенеза биосферы (целесоориентированной ко-эволюции человека и биосферы), с другой — географы получили в руки вполне надежный «предмет» изучения — природный ландшафт, объективно существующий вне познающего его человека. Эта философская перверсия и вытекающая из нее методологическая установка стали причиной уникальности российского ландшафтоведения и определили чрезвычайно сложную (доходящую до полной невозможности) процедуру внедрения даже самых востребованных современностью приложений науки о ландшафте в практику.

Могло ли развитие российской физической географии быть направлено в другую сторону? Ведь в то же самое время, в какое происходило становление классической теории ландшафтоведения, уже существовали и жили своей жизнью иные философские воззрения и методологические подходы. Упомянем в этой связи философию преодоления («снятия») противоречий между

«материей и духом», «объектом и субъектом» А. Бергсона и Н. Лосского, изложенную их последователем С. Я. Левицким [25] в форме «органистического мировоззрения», чрезвычайно притягательного для современного естествознания. Однако эти взгляды оказались уже вне поля зрения советских географов середины XX в. так же, как практически мимо них прошла и богатейшая философская полемика эволюционистов, столь глубоко затронувшая российскую палеонтологию [18], а отсюда, казалось бы, «один шаг» до палеогеографии.

В результате советское ландшафтоведение уникальным образом «выпало» из более общей («очеловеченной») картины мира и развивалось согласно заявленным материалистическим тезисам при неявном использовании предпосылки, которую видный эпистемолог XX в. Г. Бейтсон назвал «предпосылкой изолируемости контекстов» [1, с. 97]. С одной стороны, такая изолированность, возможно, представлялась благом (особенно на первых шагах становления классического концепта), поскольку позволяла (при латентном заимствовании доказательных данных из смежных дисциплин) формировать собственный, оригинальный понятийный аппарат, не сильно беспокоясь о верификации получаемых моделей. С другой стороны, именно изолированность концепта привела к накоплению совокупности лакун и противоречий, достигшей на сегодняшний день уже критической массы, свидетельствующей о необходимости внимательного непредвзятого анализа базовых постулатов. От необходимости можно отмахиваться, но не бесконечно долго, ибо, как остроумно заметил все тот же Г. Бейтсон, «эволюционирует именно контекст» [1, с. 14]. Относительно поднимаемых здесь вопросов это означает эволюцию контекста исследовательских методов вместе с эволюцией контекста общей экологической проблематики: ведь очевидно, например, что национальные концепции ландшафта во многом определяют характер национальных моделей управления ландшафтом и государственных процедур ландшафтного планирования в разных странах.

Концепт классического ландшафтоведения. Методологические установки во многом определили содержание концепта классического учения о ландшафте так называемой «московской школы», сложившейся в стенах географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Изъятие субъекта породило чисто физико-географическое направление советского ландшафтоведения, в котором объект рассматривался «без человека» и, следовательно, освобожденным от любых культурных (в широком) смысле проекций его жизнедеятельности.

Однако были и другие причины, повлиявшие на содержание концепта, среди них укажем две, на наш взгляд, центральные. Первая — особенность восприятия ландшафтоведов-«основоположников», заданная неявной внутренней ценностной ориентацией исследователей на «раскрытие» взаимосвязей и практически безоговорочная вера в их объективное существование. С позиций эпистемологии становление ландшафтного концепта — пример извечного поиска «связующего паттерна» (термин Г. Бейтсона [1]) в виде концепта ландшафта, притом паттерна чрезвычайно привлекательного, позволяющего связать сразу несколько матриц — матрицу оболочечных географических тел и матрицу латеральных географических сущностей, называвшихся последовательно то природными комплексами, то геосистемами, то геохорами. И сегодня, спустя уже почти 60—70 лет, нельзя не признать, что идея была удачной во всех отношениях: вскрывались и устанавливались новые

важные зависимости компонентов географической оболочки, что позволяло говорить о свойствах самоорганизации материи, присущих ей независимо от субъекта; постулировался собственный системный объект физической географии; конструировалась востребованная эпохой фигура географа-«комплексника», обладавшего интуитивным и почти сакральным знанием и потому возвышавшегося над «отраслевыми» географами.

Идея закономерного сочетания природных сфер с формированием на дневной поверхности новой системной сущности — природных ландшафтов — была чудесным образом подтверждена полевыми исследованиями специалистов, уже державших (на момент выхода в поле) ее в головах. Характер и локализация полевых исследований на классическом этапе развития ландшафтоведения в пределах «среднерусской полосы» — вторично-моренных и эрозионных равнин юга лесной и севера лесостепной зоны европейской России с ее многовековой историей освоения и выраженностью «резких» (и как теперь понятно, антропогенных) границ — пожалуй, вторая серьезная причина, роковым образом сказавшаяся на содержании классического концепта. Никого, похоже, не смущало, что среди примеров природных ландшафтов, приводимых в научных статьях [37] и учебных пособиях [4], абсолютно господствовали либо звенья и детали строения овражно-балочных сетей, либо различные уровни и элементы мезорельефа поймы, либо болотные экосистемы при практически полном отсутствии каких-либо природных эталонов, относящихся к неосвоенным и залесенным водоразделам.

Граничащая с верой убежденность исследователей весьма ощутима в метасемантике классических определений ландшафта, в которых, несмотря на различия, невозможно не заметить одну общую мысль о том, что косная природа так или иначе задает комплекс условий для развития живой природы. В этом смысле важно понимать, что освободившись от человека как от агента ландшафтогенеза, физико-географическое классическое ландшафтоведение в значительной степени оказалось «отвлеченным» и от биоты, несмотря на очевидные сущностные заимствования базовых представлений из «луговой» (Л. Г. Раменский) и «лесной» (В. Н. Сукачев) биоценологии.

Зарождавшееся «овражно-балочное» ландшафтоведение приобретало характерный «морфологизм» в качестве параметра собственной «оструктуренности», не сводимой к частным компонентам «связующего паттерна», что позволило перейти от рассуждений к картографированию и одновременно создавало иллюзию возможности объективной (независимой от исследователя) инвентаризации ландшафтов.

Расщепление концепта как эпистемологический кризис «связующего паттерна». Накопление данных и распространение полевого опыта исследований далеко за пределы первоначального плацдарма не могли, хотя бы отчасти, не привести к столкновению первоначальных установок с действительностью. Разрешение противоречий вызвало к жизни разработку параллельных концептов, которые принято считать отдельными школами советского ландшафтоведения (московская «солнцевская», ленинградская, связанная с именем А. Г. Исаченко, воронежская школа Ф. Н. Милькова, «сибирская» школа В. Б. Сочавы). Совершенно уникальным образом осталось до сих пор незамеченным, *что различия исследовательских подходов все без исключения сводились к попытке развязывания узлов, созданных первичными установками и заданных исходными и по сути недоказанными на адекватной экспериментальной базе постулатами.*

В действительности представители всех перечисленных школ российского ландшафтоведения априори верили в существование «связующего паттерна» — ландшафтной матрицы и, следовательно, в явном и неявном виде с большей или меньшей последовательностью обосновывали следующие представления:

— представление о том, что косная природа определяет живую, по сути «укладывая» ее в некое прокрустово ложе «местоположений»;

— представление о дискретности, ячеистости «связующего паттерна» (даже при наблюдаемых примерах континуальности) и, как следствие, признание наличия природных границ (естественных природных рубежей между ячейками паттерна);

— представление о существовании безразличной к масштабу исследования размерности ячеек паттерна с определенной иерархической структурой (вложенностью) ячеек разного ранга;

— представление о наличии объективных ведущих природных факторов дифференциации ландшафтной матрицы;

— представление об антропогенной деятельности как внешнем факторе ландшафтогенеза, вносящем «возмущения» и деформации в картину природной дифференциации.

С точки зрения автора статьи, ни одно из пяти представлений не было доказано посредством использования процедуры «добычи данных» [43] и их последующей обработки, в этом смысле они по сути по-прежнему остаются «постулатами». Однако это не мешало всем научным школам сосредоточиться на проблемах, которые являются *следствиями* изложенных пропозиций. Не особенно искажая ситуацию, можно утверждать, что разделение научных школ ландшафтоведения произошло в результате оживленных дискуссий вокруг следующих проблем:

— выделение ведущего фактора дифференциации ландшафтов;

— разработка соответствующего алгоритма фиксации матрицы (подходы к ландшафтному картографированию);

— построение каузальной модели, описывающей как на самом деле косная природа определяет условия существования живой;

— оценка вклада биоты в структуру и развитие ландшафтов;

— «возвращение» человека в ландшафт и «встраивание» результатов его деятельности в ландшафтную матрицу.

«Местоположение»: в поисках ведущего фактора дифференциации.

Центральным понятием московской, ленинградской и воронежской школ ландшафтоведения стало «местоположение» (геотоп). Именно в рамках этого понятия разные школы должны были описать сущность связей между живой и косной природой. Согласно классическим представлениям московской школы, рельеф является тем самым ведущим фактором, который определяет ландшафтную дифференциацию. Соответственно основным методом, использовавшимся на протяжении десятилетий для отрисовки ландшафтных карт, был метод так называемой «пластики рельефа» — по сути метод вычерчивания геоморфологических поверхностей различной иерархии и генезиса, который был заимствован ландшафтоведами из полевого почвенного картографирования, где он появился как альтернатива господствовавшему отраслевому методу картографирования почв совхозов и колхозов по полевым контурам [8]. Рисование карт пластики рельефа как формирование гипотезы ландшафтной дифференциации несколько десятилетий производилось вручную в

технике «бумага—карандаш— тушь—акварель», что роднило ее с искусством почти высшего, интуитивного порядка. Заметим: подобное искусство хорошо сочетается с верой в существование объекта, но совсем не сочетается с потребностью однозначного воспроизводства разными исполнителями с использованием средств современного ГИС-картографирования — потребностью, возникающей на каждом шагу в любой прикладной сфере: от лесоводства и сельского хозяйства до территориального градостроительного планирования.

Характерно в этой связи то обстоятельство, что практически все научные школы ландшафтоведения сходятся в части интуитивистского подхода к рисованию карты местоположений. Весьма показателен пример ленинградской-петербургской школы. Здесь представление о «ведущем факторе дифференциации» заменено представлением о системообразующих элементах. Г. А. Исаченко и А. И. Резников — пожалуй, самые яркие и активно работающие сегодня представители этой школы — считают, что «в таежных лесах Восточной Европы системообразующими элементами выступают популяции сосны и ели» [10, с. 7]. Центральная идея предлагаемого подхода «состоит в разделении характеристик элементарных ландшафтов на признаки местоположения и признаки состояния», что «означает возможность создания карт местоположений ландшафтов с относительно стабильными контурами» (там же, с. 42). И опять-таки в подстрочном замечании к собственному тексту Г. А. Исаченко пишет: «...выделение типов местоположений — задача именно ландшафтоведа, а не геоморфолога или специалиста по четвертичной геологии». Но что именно отличает карту местоположений от одного из видов геоморфологического картографирования и как, хотя бы в самых общих чертах, должен выглядеть ГИС-алгоритм построения подобных «негеоморфологических» карт дифференциации земной поверхности?

Ландшафтоведы обеих школ всегда ревностно защищали специфику создания карт-гипотез ландшафтной дифференциации, хотя повторимся, основные приемы такой прорисовки — выделение элементов ложбинно-лощинной и эрозионной сети морфоизографами, фиксация привершинных поверхностей и деталей поперечного строения склонов линиями вогнутого и выпуклого перегиба, различение выступов и заливов плановой индустрии горизонталей — широко использовались и в почвоведении. Но еще более интересно в контексте данной статьи то обстоятельство, что когда в связи с развитием численных методов появилась методика строгой фиксации характеристических линий и элементарных поверхностей рельефа — так называемый морфодинамический анализ А. Н. Ласточкина [24], она оказалась практически полностью проигнорированной ландшафтоведами всех четырех школ: и московской, и ленинградской, и воронежской, и сибирской.

Между тем А. Н. Ласточкин взял на себя труд критического осмысления метода «произвольной пластики рельефа», т. е. метода, понимаемого как искусство, и предложил свой альтернативный метод формализации элементов (пластики рельефа) по параметризуемым признакам с разработкой строгой систематики геоморфосистем. По сути был предложен метод однозначной фиксации и выделения в конкретном масштабе поверхностей — местоположений, для которых А. Н. Ласточкин предложил сквозной термин «геотоп», указывая на то, что никакой естественной и универсальной «габаритной иерархии» существовать на поверхности планеты не может [24].

Однако теоретические построения А. Н. Ласточкина и понятие «геотопа» не встретили понимания у ландшафтоведов, хотя, казалось бы, однозначное

алгоритмизируемое проведение характеристических линий и фиксирование геоперверхностей позволяли впервые за всю историю ландшафтоведения объективно верифицировать «вложенность» компонентов ландшафта в получаемую таким образом матрицу.

С нашей точки зрения, такое неприятие закономерно, ибо ставит под сомнение важнейший из постулатов классического концепта. Мы пытались воспроизводить карты геотопов в поисках «надежной основы» для ландшафтных планов различных регионов России (Верхневолжье, Среднерусская возвышенность, Северный Кавказ, Алтайский край) и пришли к выводу, что границы геотопов, зафиксированные посредством процедур морфодинамического анализа, не формируют реальных ландшафтных границ в ненарушенной «дикой» природе.

В самые последние годы для изучения дифференцирующих функций структурных линий нами проводились специальные полевые исследования на территориях национальных парков «Смоленское Поозерье» и «Кенозерский», характеризующихся активными процессами экореабилитации и перехода ландшафтов в «природное» состояние. Наблюдения обнаруживают почти полную индифферентность (независимость) формирующихся лесных биогеоценозов практически ко всем линиям выпуклых перегибов (линии вида L_5 , по А. Н. Ласточкину), разделяющих фасы и уступы. Из линий вогнутых перегибов (линии вида L_6) дифференцирующая роль отмечена только для подвида, фиксирующего тыловые швы низких (затопляемых) речных пойм, и (реже) низких надпойменных террас.

Таким образом, мы можем констатировать, что доведение до логического конца идеи местоположения как выражения дифференцирующей роли фактора рельефа способно положить конец классической идее ландшафта, как таковой, во всяком случае в его историческом «московском» варианте. Но, может быть, в этом случае право на существование приобретают биотические трактовки ландшафта?

Ландшафт и биоценоз: биотические трактовки. С изложенных выше позиций может показаться, что отказ от предопределяющей роли рельефа и признание биоты ведущим фактором дифференциации природного ландшафта позволяют преодолеть затруднения классического концепта. Такое признание достигнуто в рамках ленинградской (в изложении Г. А. Исаченко и А. И. Резникова [10]) и сибирской (В. Б. Сочава [37], В. С. Михеев [27], А. А. Крауклис[19]) школ.

Казалось бы, в простирающейся на десятки тысяч километров бореальной зоне Евразии лесные биомы должны ясно демонстрировать закономерности ландшафтной дифференциации в «классическом представлении». Однако собственное развитие современной науки о растительности привело к внутреннему конфликту и «разводу» между понятиями «тип леса» и «тип лесорастительных условий» уже в 1980-х гг., и это при том, что «эдафотопы» с самого начала трактовались не как «геоперверхности», или «формы мезорельефа», а, скорее, как «почвенные условия». Очень похоже, что первичные классические «габаритные» схемы не выдержали испытания «добычей данных» в силу изначально допущенной недооценки обратного влияния живого вещества на косную природу.

Последние 30 лет изучения растительного покрова планеты освободили путь для более диалектического понимания сущности биосферы и роли живого вещества. Открывшееся понимание привело к становлению в отечественной биоценологии так называемых динамических принципов лесной типоло-

гии, в основе которой лежит признание того обстоятельства, что динамика типа леса меняет и пространственную матрицу, не просто определяя отклонения от «правильного» типа лесорастительных условий, но и меняя сами эти условия, т. е. весь комплекс параметров физической среды. Соответственно изменились представления как о парцеллярности (структуре) растительного покрова, так и о его обусловленности различными факторами [7, 26, 27, 30].

Выяснилось, что природе леса присущи не только «закономерные», но и вполне стохастические «случайностные» свойства. Ход развития биоценоза на одном и том же участке не является жестко детерминированным и определяется множеством факторов, в том числе антропогенных. Иными словами, представления о закономерном характере неперемного соответствия сосняков супесям и ельников суглинкам (возникшие в 1960—1970-х гг. у первых дешифровщиков аэрофотоснимков) не соответствуют действительности. Была преодолена так называемая «словая догма» В. Н. Сукачева, поскольку выяснилось [27], что растительные сообщества одного и того же типа могут занимать разное положение в рельефе, располагаться на разных подстилающих породах и на разных почвах.

Динамика смен занимает центральное место в современной теории леса. Эндогенные изменения (не связанные с параметрами местообитания) в высшей степени свойственны природным биоценозам. Саморазвитие лесного биоценоза связано с наличием так называемых растительных этапов (по И. С. Мелехову [26]) в возрастном развитии леса и способно перевести (сдвинуть) эдафотоп по шкале увлажнения (шкале гигротопов) на одну ступень «вниз» или «вверх», что приводит в итоге к существованию разных типов в молодом, зрелом и перестойном возрастах.

Картина усложняется еще более, если на эндогенные тренды накладываются экзогенные изменения. Так называемые антропогенные сукцессии сопровождаются сдвигами и сдвигами с возвратами, т. е. колебаниями вокруг некоего «типа леса», причем после смены, например, коренных ельников производными мелколиственными насаждениями запускается дерновый процесс, который может не допустить возвращения к исходному типу даже после прохождения всех растительных этапов: именно таков генезис дерново-подзолистых почв, столь широко распространенных в Среднерусской полосе и являющихся результатом земледельческого освоения лесной зоны [3, 13, 16].

В этом смысле теоретические схемы сторонников биотического ведущего фактора дифференциации ландшафтов выглядят так или иначе вторичными. В школе В. Б. Сочавы противоречия «габаритно-генетического» подхода пытались снять введением связки «геомеры—геохоры» и построением на этой основе многомерных классификационных схем, в рамках которых «антропогенность» ассоциируется с феноменом «серийности фаций в геомех». В школе А. Г. Исаченко [10] с «антропогенностью» справляются введением понятия «состояние». Однако при внешнем параллелизме понятий с современной син-экологической теорией растительного покрова сохраняется важное различие: «состояния» остаются вложенными в габаритную матрицу.

Ландшафтоведение и ландшафтная экология. Неполнота модели «ландшафта», интуитивно ощущаемая многими географами, привела на рубеже тысячелетий к становлению отечественного варианта «ландшафтной экологии», получившей широкое развитие на западе.

Отличия «ландшафтной экологии» (В. Б. Виноградов, [6]) от классической модели ландшафта очевидны. В рамках ландшафтной экологии рельеф не

рассматривается как вещественный материальный «компонент» экосистемы, поскольку в центре модели — биом, взятый как «сущность» и как фактор среды: растительный покров трактуется в качестве вполне самостоятельного фактора экзогенной геодинамики.

Ландшафтная экология усваивает представления о динамических сменах и сукцессиях, разделяя их на природные (эколого-динамические ряды) и антропогенные (гомогенетические смены). Знаменательно, что В. Б. Виноградов по сути отказывается как от понятия «ландшафт», заменяя его понятием «экосистема», так и от габаритной матрицы, поскольку в качестве хронологии экосистем предлагается идея интеграционных иерархических уровней (монохоры—фаии, нанохоры—простые урочища, микрохоры—сложные урочища, мезохоры—местности, макрохоры—элементарные ландшафты [6]), проявляющихся в разных градиентах шкалы масштабного ряда, понимаемой как относительные интервалы различения сущностей.

Особое место в концепте ландшафтной экологии уделяется морфологии экосистем — графическим образам, которые подаются как средство формализации и описания пространственной структуры экосистем. В этом смысле ландшафтная экология — преодоление «габаритных представлений» и очень своевременный разворот навстречу открывающимся возможностям изучения ландшафтного покрова Земли из Космоса. Правда, прежде чем вступить на этот путь, В. Б. Виноградов вынужден разобраться с «граничностью» экосистем, и здесь мы впервые сталкиваемся с признанием того обстоятельства, что резкие линейные границы свойственны либо антропогенным экосистемам (поля, вырубки, мелиоративные системы, просеки и т. д.), либо образованиям, связанным с природными катастрофическими сменами. Все, что не относится к этим двум группам, — диффузные широкие экотоны — переходы между экосистемами, сравнимые по размеру с урочищами и местностями. В свою очередь множество экотонов также распадается на две группы. Для одной из них, видимо, весьма обширной, рисунок зафиксировать невозможно — это так называемые «диффузные рисунки без определенной ориентации». Для другой — представляется возможным выделить генетические подгруппы — сущности, рисунок которых обусловлен преобладающим действием ведущего фактора: зоогенного, фитогенного, литогенного, гидрогенного, геоморфогенного [6].

Уместно вспомнить в этой связи представления о «рисунке ландшафта», развиваемые А. С. Викторовым [5], который трактует его как пространственную мозаику, состоящую из ПТК и «микрообразований комплексного характера» и обладающую свойством выраженной дискретности. Однако обстоятельно разбираемые примеры ландшафтных рисунков демонстрируют уже знакомые сущности — веера блуждания излучин (для рисунка аллювиальных равнин), графы эрозионно-гидрографической сети (для рисунка эрозионных равнин), структуры бугристо-ячеистых и грядово-ячеистых песков эоловых равнин и т. д., т. е. по сути рисунки форм рельефа — одной из генетических подгрупп, сформировавшихся под действием ведущего фактора. В тех же случаях, где речь идет о действительно «ландшафтном» рисунке (например, рисунок заболоченных и солончаковых равнин), автор ссылается на затруднения надежного описания ландшафтных контуров [5].

Подытожим: с позиций ландшафтной экологии ландшафт рассматривается как экосистема или в более привычной для российских ученых кодировке — «биоценоз» (но не биогеоценоз), в котором биоте отведена ведущая

роль. Границы экосистем в тех случаях, когда они совпадают с так называемыми ландшафтными границами, трактуются как результат многовекового и разнообразного антропогенеза. Наконец, для экосистем предложена не габаритная, а интегральная хорология, причем зернистость матрицы признается свойством, зависимым от масштаба изучения и связанным с возможностями используемых аналитических методов.

Структура почвенного покрова и ландшафт. Если ландшафт — это результат эпигенеза географической оболочки, то почвы — как раз то самое природное образование, дифференциация которого не может не быть составной частью процесса дифференциации природных ландшафтов (если последние действительно существуют).

В 1960—1970-е гг. В. М. Фридландом была разработана теория структуры почвенного покрова [41], которая выполнила роль «связующего паттерна» в почвоведении. Характерно, что почвоведы так же, как и ландшафтоведы, попытались «встроить» все разнообразие мозаики почвенного покрова в «габаритную таксономию»: были выявлены три уровня организации почвенного покрова и соответственно три уровня дифференциации: микроструктуры (элементарные почвенные ареалы), мезоструктуры и макроструктуры. Однако обширность материала не позволила почвоводам увлечься умозрительными схемами: полевые съемки и карты, которые составлялись на основе съемок, свидетельствовали «сами за себя».

Во-первых, схема (матрица) габаритной таксономии «отказала» в почвенном картографировании практически сразу: выяснилось, что одноуровневые габаритные структуры не формируют реального почвенного покрова. Для преодоления этих затруднений пришлось ввести понятие «почвенная комбинация», выделив простые, состоящие только из элементарных почвенных ареалов (микроструктур), и сложные (мезоструктуры), состоящие из этих простых комбинаций и других элементарных почвенных ареалов (смешение двух уровней габаритной таксономии), а также сочетания, состоящие из простых и сложных комбинаций и элементарных ареалов (смешение трех уровней таксономии).

Во-вторых, была выявлена примечательная особенность природного почвообразования: естественные (ненарушенные, возникшие без участия человека) макроструктуры почвенного покрова наблюдаются нечасто и свойственны западинам с болотными почвами и крупным песчаным массивам с глубоким уровнем грунтовых вод [32].

Понятие контрастности — третий замечательный для нас аспект теории структуры почвенного покрова. Почвоведы «вскрывали» свою структуру снизу, индуктивно, обобщая разрез за разрезом, полуяму за полуямой и прикопку за прикопкой. В результате уже на уровне дифференциации элементарных почвенных ареалов выделенные сущности пришлось развести на сильно-контрастные («комплексы») и слабоконтрастные (так называемые «пятнистости»). Дальнейшая попытка генетической классификации для территории, переходной от подзоны южной тайги к зоне хвойно-широколиственных лесов, позволила выявить, что во всех группах, не испытывавших распахивания, мы имеем дело исключительно со слабоконтрастной пятнистостью, которая выражена как нечетко проявляющиеся различия глубины оподзоливания подзолистых почв [32].

Таким образом, собственно природные процессы определяют наличие слабоконтрастной естественной пятнистости, связанной с болотными почва-

ми замкнутых понижений и ложбинообразными расширениями самых верхних звеньев ложбинно-лощинной сети. Наблюдаемая ныне структура почвенного покрова в целом — результат масштабного исторического процесса формирования приуроченности почвенных ареалов и комбинаций к элементам мезорельефа. На пологих склонах однородные контуры элементарных почвенных ареалов после распашки сменялись сначала пятнистостями разной глубины оподзоленности, а затем и комплексами (контрастными сочетаниями) дерново-подзолистых эродированных почв верхних частей склонов и намывными почвами подножий — делювиальных шлейфов. Параллельное (неизбежное при сельскохозяйственном освоении) развитие линейной эрозии приводило к трансформации ложбинно-лощинной сети с ее мягкими очертаниями и линзовидными, поперечными сечениями эрозионных форм в овражно-балочную сеть со смытыми почвами, V-образными склонами и намывными почвами днищ балок. Развитие шлейфов определило появление линейных форм у подножия холмов, которые ниже по рельефу сменяются наложенным древовидным эрозионным рисунком [16, 32].

Контрастные рисунки структур почвенного покрова (как это убедительно показано в монографии М. В. Бобровского [3]) формируются за столетия освоения территории в результате итеративного выбора (подсека, перелог, трехполье) и последующего закрепления использования земель (пахотные угодья, пастбища и сенокосы) в эпоху доиндустриального (этнически укорененного) природопользования.

Классический концепт и дешифрирование данных дистанционного зондирования. Активно развивающийся рынок использования данных дистанционного зондирования, призванный безусловно решать прежде всего практические задачи, вносит свои коррективы в наши представления о структуре биосферы, «ячеистости» и генезисе ландшафтного покрова земли. Однако, если проанализировать классификаторы тематических задач, решаемых с помощью материалов дистанционного зондирования Земли, представленные лидерами отрасли обработки космоснимков — ИТЦ Сканэкс или компанией «Совзонд», то мы не обнаружим «ландшафтов» даже на технологическом уровне, обозначенном как «подходы». Тем более ни одна из операций, номинируемых как «методы» не предполагает выявление структуры природного ландшафтного покрова Земли.

Более или менее надежные результаты сопряжены с процедурами, подобными типизации лугов обширных речных пойм (т. е. по сути дешифровкой по растительности рисунка форм аллювиального рельефа) и выпуклых верховых торфяников. Таким образом, несмотря на разнообразие и «объективность» вновь появляющихся методов дешифровки, «ландшафт» как классическое понятие не является до сих пор «объектом» и в этих исследованиях.

Трансформация концепта: возможно ли «обновление» ландшафтоведения? Было бы несправедливым преувеличением считать, что ландшафтоведы «не знали» приведенных выше затруднений и не стремятся их преодолеть, однако создается впечатление, что непреодоленными остались базовые положения о возможности габаритной таксономии, с одной стороны, и «природности», т. е. о естественном происхождении «правильного» ландшафта и его «объективных границ», — с другой.

На наш взгляд, среди последних попыток теоретического обобщения в области ландшафтоведения наибольший интерес представляют работы Ю. Г. Пузаченко (см., например, [33]). Местообитание определяется как «конгломе-

рат» — образование, которому не присуще свойство целостности, но присуще свойство иерархической организации по принципу «самоподобия», «возникающего как на основе функционирования самого живого вещества, так и на основе механизмов, порождающих самоподобие и иерархию среды» [33]. Ландшафт и в этой трактовке — это связующий паттерн, но уже более сложно устроенный, функционирующий как «контур колебания разночастотных сущностей», как «область локального равновесия множества отношений живого и неживого».

В таком безусловно изящном объяснении возникают, однако, свои «напряжения» при попытке классифицирования частей модели состава ландшафта. Ю. Г. Пузаченко называет ландшафтный рисунок Земли мозаикой, состоящей (в соответствии с известными представлениями ландшафтной экологии) из матрицы (узор, определяемый землепользованием или структурой растительного покрова), пятен (патчей — относительно гомогенных территорий или полигонов, создаваемых антропогенной деятельностью) и коридоров (линейных элементов). Совершенно очевидно, что в таком понимании перед нами «ландшафтный покров», надежно дешифрируемый в технологии LandCover и интегрирующий «разнообразие взаимодействий всех компонентов системы, включая и человека»; иными словами, «ландшафтная мозаика» Ю. Г. Пузаченко — безусловно антропогенное образование [33].

Контуры неоландшафтоведения. Было бы нелепым «затевать» критический обзор просто для того, чтобы обозначить до сих пор нерешенные вопросы ландшафтоведения. Автор преследовал иную цель — обозначить актуальность задачи переформулировки концепта таким образом, чтобы ландшафтоведение могло служить основой экологического проектирования и ландшафтного планирования: с понятными классификациями, воспроизводимыми процедурами картографирования, возможностью вариативной по характеру (мягкая, жесткая) поддержки законодательных конструкций различного вида (правила землепользования и застройки, схемы категориальной дифференциации земель по назначению, проекты охранных зон).

Следует отметить, что в последние десятилетия произошел своего рода теоретический прорыв, приближающий нас к пониманию ландшафта как не природного, но природно-культурного феномена. Географы в значительной степени сумели ликвидировать разрыв, долгое время существовавший между физико-географическим («природным») ландшафтоведением и теорией культурного ландшафта. Значимые итоги, касающиеся выявления и идентификации, районирования и типологии, управления и охраны культурного ландшафта, подведены в коллективной монографии, вышедшей в Институте Наследия в 2004 г. [20]. Теоретические обобщения в сфере этнокультурного ландшафтоведения, во многом помогающие постижению специфики исторического процесса освоения территории, сделаны В. Н. Калуцковым [12]. Поискам исторических признаков в ландшафте посвящены труды В. А. Низовцева, которого, используя англо-американский термин, можно считать теоретиком российского варианта археологии ландшафта [29]. Замечательным образцом регионального анализа культурного ландшафта являются работы Г. А. Исаченко, в особенности монография «Окно в Европу» [11].

Исследования ландшафтов (не называемых «культурными») проводятся и за рубежом, где после 2000 г. увидели свет весьма интересные издания, к сожалению, пока еще малознакомые российским специалистам. Среди многих упомянем книги Я. Уайта «Landscape and History since 1500» [47], С. Риппона

«Beyond the medieval village» [45], М. Эстона «Interpreting the landscape» [44] и Б. К. Робертса «Landscapes of Settlement: prehistory to the present» [46]. Помимо лучшего понимания процесса освоения природы итогом теоретических изысканий в англо-американской школе явилась методика инвентаризации и описания исторических ландшафтов — Historic Landscape Characterization (HLC). Эта программа, выполняющаяся на базе использования так называемых исторических геоинформационных систем, получила широкое распространение в странах Евросоюза, США и Канаде и играет сегодня заметную роль в разработке рекомендаций по сохранению культурного ландшафта многих стран [16].

Однако в географии по-прежнему ощущается эффект «изолируемости контекста». Ландшафтоведы оказались заложниками гносеологического бумеранга: все постулаты, лежащие в основе классического учения о природном ландшафте, сегодня подвергнуты серьезному сомнению, опровергнуты полностью или частично в отраслевых науках, из которых они (полвека назад) были заимствованы. В этом смысле можно утверждать, что классическое ландшафтоведение базируется на научных мифах. Их преодоление потребовало от биоценологов [7, 27] и почвоведов [3] масштабного выхода в поле с «ландшафтной идеей» в голове, но уже с новыми методами ГИС-моделирования «в руках», и полученный результат представляется впечатляющим. В этом смысле можно утверждать, что частные науки «обошли» ландшафтоведение по объему «добычи данных» [43] и создали теоретически предпосылки для нового ландшафтоведения — круг замкнулся. Можно постоянно (и относительно успешно) перестраивать содержание науки на основании новых данных смежных наук, но тогда мы с неизбежностью сталкиваемся с проблемой метода: в чем специфика именно «ландшафтного» подхода к изучению земной поверхности? Что мы умеем делать лучше «смежников»: заниматься «оверлеем» покомпонентных карт и искать «общие» границы? Но кто доказал, что они существуют?

Ландшафтоведы классической школы полагают, что вопрос существования природного ландшафта может быть сведен просто к вопросу о выраженности совпадающих границ форм рельефа, почвенных тел и растительных сообществ, каковые могут быть резкими («от природы»), либо постепенными (функционирующими как экотоны). Однако нам представляется, что различия между классическим концептом и современной ландшафтной экологией принципиальны и не могут быть преодолены в рамках представлений о дискретности—континуальности ячеек ландшафтной матрицы. Мы постарались сформулировать их в кратком виде (см. таблицу).

Ниже сформулированы основные тезисы, которые в самых общих чертах позволяют обозначить контуры «неоландшафтоведения».

1. В окружающей нас реальной действительности нет никаких «природных ландшафтов», а есть экосистемы, существование которых детерминировано сложным взаимодействием разномасштабно распределенных факторов, не приводящих к пространственной дифференциации («ячеистости») поверхности географической оболочки в единых границах, которые могли бы быть спроецированы через ее компоненты «по вертикали».

2. Компоненты экосистем, будучи безусловно взаимосвязанными, обладают принципиальной автономностью, проявляющейся в самостоятельности трендов их развития и оригинальности латеральной дифференциации: таковы комбинации поверхностей четвертичного литогенеза, мозаики почвенного покрова («рисунки почв»), растительные ассоциации в пределах биомов, не-

Различия между основными положениями классического ландшафтоведения и современной ландшафтной экологией

Позиции	Классическое ландшафтоведение	Современная ландшафтная экология
Отношения между биотой и физико-географическими факторами среды	Обусловленность биоты косными компонентами географической оболочки	Средопреобразующая деятельность биоты, неизбежно реализующаяся при превращении экотопа в биотоп нивелирует зависимость от косных компонентов
Способы учета факторов дифференциации	Построение одномерных или двумерных факторальных рядов	Изучение непрерывных последовательностей перекрывающихся экологических ниш в гиперобъеме многомерного пространства факторов
Представление о ландшафтной сфере	Ландшафтная сфера — мозаика природных ландшафтов с естественными границами	Множество условно выделяемых единиц — биогеоценозов, представляющих собой совокупность популяционных мозаик разных видов; агрегации объединенных наиболее крупными мозаиками ключевых видов
Представление о ячеистости и границах ячеек	Объективная дискретность матрицы природных ландшафтов и габаритно-таксономический подход к ее выделению	Объективные резкие границы между природными экосистемами не существуют и являются чаще всего либо результатом антропогенеза, либо (значительно реже) катастрофических сукцессий
Представления о динамике	Изменения растительных сообществ как целостных единств, жестко детерминированных числом устойчивых климаксных состояний	Стохастические независимые изменения популяций, завершающиеся климакс-континуумом
Подходы к классифицированию	Построение жесткой иерархической системы габаритных таксонов на основе сходства состава эдификаторов как видов, определяющих внутренние сущности ландшафта	Классифицирование как целевое прикладное сворачивание («осознанная редукция» [27]) разнообразия многомерности континуума живого покрова Земли

затронутых хозяйственной деятельностью. Автономность компонентов экосистем, каждый из которых воспроизводит собственную структуру (что обеспечивает устойчивость ландшафта), делает невозможным фиксацию «общих границ».

3. Совпадение границ элементов биотических, биокосных и абиотических компонентов представляет собой лишь частный случай и действительно имеет место в экосистемах с резко выраженным преобладающим фактором дифференциации (верховые болота, пойменные экосистемы). В этой связи при-

родные экосистемы не могут быть уложены в схему «габаритной таксономии», а подчиняются сложным фрактальным рисункам с воспроизведением подобия на вложенных иерархических уровнях [33].

4. В естественных, не затронутых хозяйственными воздействиями, экосистемах растительные сообщества по мере своего развития и распространения преодолевают характеристические линии рельефа (линии перегиба склона, линии уступов и тыловых швов — подножий), выходят за пределы границ формализуемых геотопов как в буквальном смысле (т.е. не «укладываются» в их контура), так и системно-экологическом, поскольку изменяют весь набор физических параметров местообитаний. Биотическая трансформация экотопа в биотоп является неизбежным результатом жизнедеятельности растений, входящих в состав растительных сообществ и связанных с ними гетеротрофных организмов — так называемых ключевых видов.

5. Культурные ландшафты — номинативная тавтология, семантически избыточный термин, сужающий сферу воздействия человека на природу к ограниченному числу каналов, которые хотелось бы представить как проекцию осознанных культурных влияний. Антропогенная история биогеоценоза начинается с момента, когда человек прямо или косвенно регулирует численность ключевых видов, а затем и полностью заменяет их [3, 7, 13, 15]. С этого момента этнос (социум) создает ландшафты на всем пространстве своего обитания, включая и периферийные ареалы, при этом масштаб и значимость косвенных воздействий человека на природу еще предстоит оценить.

6. Антропогенная деятельность превращает естественную структуру экосистем с ее нерезкими переходами, широкими экотонами и «плавающими» в зависимости от флуктуации климатических условий типами («заболоченный лес» — «лес по болоту») в мозаику, состоящую из матриц (паттернов) землепользования и селитебных (позднее — градостроительных) структур, «островков-патчей» естественной природы и линеаментов дорожно-транспортной сети и инженерных коммуникаций.

Постоянные антропогенные воздействия усиливают экологические различия экотопов, которые закрепляются в ходе многолетнего земле- и природопользования и формируют абсолютное большинство зримых резких границ в ландшафте.

Заключение. Признание «культурного ландшафта» собственно «ландшафтом» не означает «поражения в правах» для ландшафтоведения, как такового. На наш взгляд, речь должна идти о переносе акцентов исследования с постоянных заимствований и интериоризации знаний из соседних областей (геоморфология, биоценология, почвоведение) на оригинальные исследования, посвященные пониманию формирования ландшафта как культурно-природного феномена, что вполне совпадает с наиболее содержательными представлениями о роли человека в биосфере и современной теорией органической эволюции. Следовательно, для продвижения идей ландшафтного планирования чрезвычайное значение имеет продолжение исследований, посвященных истории антропогенизации биосферы и формирования ландшафтов (как безусловно культурного феномена).

Многие современные традиции «охраны природы» базируются на абсолютно беспочвенных представлениях о необходимости «назначения» жестких консервационных режимов «памятника природы» для «экосистем», которые на самом деле являются сохранившимися фрагментами культурного ландшафта, результатом многовекового труда живших до нас поколений.

Так, экологи, озабоченные биоразнообразием, стремятся сохранять «водно-болотные угодья» и тяготеющую к ним фауну водоплавающих и околоводных птиц, наивно полагая, что пойменные луга и старицы, «если их не трогать», сохраняются на века. Однако без крестьянина с косой и пастуха с коровами луга «почему-то» зарастают и на их поддержание в целевом состоянии требуются значительные усилия и средства. Но ни экологи, ни сторонники модной теории экосервисных услуг не пытаются смотреть на ситуацию с этой точки зрения: мы (ландшафтоведы) сами десятилетиями убеждали их в том, что ценный и экологичный ландшафт создает сама Природа.

Новое понимание позволит отойти от ставших уже привычными схем включения в экологические разделы оценок покомпонентных свойств ландшафтов (например, морфолитогенной основы, как это происходит в градостроительном планировании и сельскохозяйственном землеустройстве) с выходом на линейные границы формируемых оценочных (а затем и правовых) ареалов и зон. Перед нами встает новая задача интеграции ценностей ландшафта в социально-экономическую действительность России, но уже, видимо, принципиально иными средствами.

Список литературы

- [1] Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 480 с.
- [2] Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. М.; Л.: Сельхозгиз, 1931. Ч. 1. 401 с.
- [3] Бобровский М. В. Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. М.: Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, 2010. 481 с.
- [4] Видина А. А. Методические указания по полевым крупномасштабным ландшафтным исследованиям (для целей сельскохозяйственного производства в средней полосе Русской равнины). М.: Изд-во МГУ, 1962. 132 с.
- [5] Викторов А. С. Основные проблемы математической морфологии ландшафта. М.: Наука, 2006. 252 с.
- [6] Виноградов Б. В. Основы ландшафтной экологии. М.: ГЕОС, 1998. 418 с.
- [7] Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность: Кн. 1 / Отв. ред. О. В. Смирнова. М.: Наука, 2004. 479 с.
- [8] Временная методика по составлению карт пластики крупного и среднего масштабов. Пущино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1984.
- [9] Дронин Н. М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии (1900—1950-е годы). М.: ГЕОС, 1999. 232 с.
- [10] Исаченко Г. А. Методы полевых ландшафтных исследований и ландшафтно-экологическое картографирование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 156 с.
- [11] Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 476 с.
- [12] Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- [13] Карпачевский О. А. Особенности формирования среднерусской полосы // История и современность. № 1, март 2012. С. 149—156.
- [14] Кирюшин В. И. Теория адаптивно-ландшафтного земледелия и проектирования агроландшафтов. М.: КолосС, 2011. 472 с.
- [15] Колбовский Е. Ю. История и экология ландшафтов Ярославского Поволжья. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1993. 156 с.

- [16] Колбовский Е. Ю. Исследование культурных ландшафтов средствами исторических геоинформационных систем: опыт Великобритании // Ярославский педагогический вестник. 2011, № 2. Т. III (Естественные науки). С. 199—126.
- [17] Колбовский Е. Ю. Ландшафтное планирование М.: Академия, 2008. 336 с.
- [18] Красилов В. А. Метаэкология. М.: ПИН РАН, 1997. 208 с.
- [19] Крауклис А. А. Проблемы экспериментального ландшафтоведения. Новосибирск: Наука, 1979. 232 с.
- [20] Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
- [21] Курбатова А. С. Ландшафтно-экологические основы формирования градостроительных структур. М., 2004. 400 с.
- [22] Ландшафтное планирование: инструменты и опыт применения / А. Н. Антипов, В. В. Кравченко, Ю. М. Семенов и др. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2005. 165 с.
- [23] Ландшафтное планирование с элементами инженерной биологии / Сост. и отв. ред. А. В. Дроздов. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 239 с.
- [24] Ласточкин А. Н. Общая теория геосистем. СПб.: Лема, 2011. 980 с.
- [25] Левицкий С. Я. Трагедия свободы / История философии в памятниках. М.: Канон, 1995. 512 с.
- [26] Мелехов И. С. Лесоводство. 2-е изд. М.: Изд-во МГУЛ, 2002. 320 с.
- [27] Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Современное состояние основных концепций науки о растительности. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 418 с.
- [28] Михеев В. С. Ландшафтно-географическое обеспечение комплексных проблем Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 207 с.
- [29] Низовцев В. А. Ландшафтный фактор развития природопользования в Московском регионе: каменный век — эпоха средневековья. Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 2001.
- [30] Осипов В. В., Гаврилова Н. К. Аграрное освоение и динамика лесистости Нечерноземной зоны РСФСР. М.: Наука, 1983. 108 с.
- [31] Позребяк П. С. Общее лесоводство. 2-е изд. М.: Колос, 1968. 440 с.
- [32] Почвенный покров Нечерноземья и его рациональное использование / Отв. ред. М. В. Фридланд, Р. П. Михайлова. М.: Агропромиздат, 1986. 245 с.
- [33] Пузаченко Ю. Г., Дьяконов К. Н., Алещенко Г. М. Разнообразие ландшафта и методы его измерения / География и мониторинг биоразнообразия. М.: Изд-во НУМЦ, 2002.
- [34] Раменский Л. Г. Введение в комплексное почвенно-геоботаническое исследование земель. М.: Сельхозгиз, 1938. 615 с.
- [35] Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк экономической географии с 16 картами и картограммами / Записки Импер. русск. геогр. о-ва. Т. X, вып. 2. СПб., 1910.
- [36] Смелов С. П. Луга Заволжья Ярославской губернии. Сергиев Посад: Ин-т луговедения, 1927. 147 с.
- [37] Солнцев Н. А. Учение о ландшафте (избранные труды). М.: Изд-во МГУ, 2001. 384 с.
- [38] Сочава В. Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.
- [39] Сысуйев В. В. Моделирование геофизической дифференциации геосистем // Функционирование и современное состояние ландшафтов. М.: Городец, 2004. С. 48—71.
- [40] Типы биогеоценозов южной тайги / Ред. В. В. Осипов. М.: Наука, 1975. 237 с.
- [41] Фридланд В. М. Структура почвенного покрова. М.: Мысль, 1972.
- [42] Хорошев А. В. Ландшафтно-экологические ценности при планировании лесопользования // Лесоведение. 2009. № 6. С. 64—72.

- [43] *Шаши Шекхар, Санжей Чаула*. Основы пространственных баз данных / Пер. с англ. М.: Кудиц-образ, 2004. 336 с.
- [44] *Aston M.* Interpreting the landscape. London and New York: Taylor & Francis, 2010. 169 p.
- [45] *Rippon S.* Beyond the medieval village. Oxford—New York: Oxford University Press, 2008. 323 p.
- [46] *Roberts B. K.* Landscapes of Settlement : Prehistory to the Present. London and New York: Taylor & Francis, 1996. 181 p.
- [47] *Whyte I. D.* Landscape and History since 1500. London: Reaktion books, 2002. 256 p.

Москва
kolbowsky@mail.ru
МГУ им. М. В. Ломоносова

Поступило в редакцию
25 июня 2013 г.

Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 5

© Ю. Г. ТЮТЮННИК

ПРОЛИФЕРАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЛАНДШАФТ»: ПОЧЕМУ ОНА ПРОИСХОДИТ И КАК ОТНОСИТЬСЯ К НЕЙ ГЕОГРАФАМ?

Под пролиферацией¹ понятия «ландшафт» мы понимаем выход слова «ландшафт» и соответствующих ему смыслов за пределы областей традиционного использования — за пределы географической науки и искусства живописи, архитектуры, а также художественной литературы, и его употребление в философии, областях науки и практической деятельности, далеких как от географии (экологии, геологии), так и от искусства. Разумеется, в географии и живописи/архитектуре понятие ландшафта с течением времени претерпевало и претерпевает трансформации, приобретает новые оттенки смысла, используется и раскрывается в новых контекстах. Но это нас интересовало не будет. Мы опустим также трансформации смысла категории «ландшафт» в плане разнообразных когнитивно-пространственных «междисциплинарностей», агрессивно навязываемых сегодня гуманитарной географией. Вопросы «почкования» и трансформации понятия ландшафта в географии, искусстве и близких к ним пространственных контекстах иных областей знания достаточно детально исследованы (например, в [7]) и уже хорошо известны географам. Нас будут интересовать попытки смыслового присвоения категории «ландшафт» в областях практики, философского и теоретического знания, в эпи-

¹ Пролиферация — понятие из философии науки П. Фейерабенда. Им он обозначает своеобразное «размножение» идей, теорий, концепций и трактовок, которые конкурируют, а иногда и прямо противостоят «главным», «правильным», «общепринятым», «официальным». Философ считает это явление не только неизбежным, но и позитивным — способствующим развитию науки [31, с. 166—178].

© **Е. Ю. Колбовский.** Существует ли природный ландшафт: эпистемологический анализ феномена.

Обсуждаются основные постулаты, которые были положены в основу российского ландшафтоведения и на несколько десятилетий определили характер и содержание общей теории физической географии. Необходимость пересмотра базовой модели связывается с потребностями ландшафтного планирования, достижениями современной синэкологии и почвоведения, а также в связи с развитием инструментария геоинформационных систем. Предложен новый подход к пониманию ландшафта в рамках «неоландшафтоведения» как сугубо антропогенного феномена, что позволяет перестроить методологию и практику ландшафтного планирования.

© **E. Yu. Kolbovskiy.** Does a natural landscape exist: an epistemological analysis of the phenomenon.

We discuss the main tenets that have been the basis of Russia landscape science for decades and defined the nature and content of the general theory of physical geography. The need to revise the basic model is associated with the needs of landscape planning, the achievements of modern synecology and soil science, as well as in connection with the development of toolkit of geographic information systems. A new approach to understanding the landscape within «neo-landscape-science» as a purely human phenomenon is proposed, what can rebuild the methodology and practice of landscape planning.